

Шедевр

Джоанна Белл

Джоанна Белл

Шедевр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70624018

SelfPub; 2024

Аннотация

Картине или человеку одинаково важна поддержка, чтобы стать неоспоримым шедевром в этой жизни.

Джоанна Белл

Шедевр

1.

Иван Павлович задумчиво посмотрел на картину и потом в окно. На картине был изображен пригорок, на пригорке – береза. Береза была такая большая, что тень от ее раскидистых ветвей закрывала пятнами почти всю лужайку на пригорке, лишь немного не доходя до тропинки. Тропинка бежала по солнышку от старого кладбища, угадываемого за кустами у березы, сначала на зрителя, а потом поворачивала за пригорок куда-то вниз, к речке и дальше к деревенским домам. Крыша первого дома, стоявшего у реки, виднелась сразу за пригорком. В картине была немного нарушена перспектива, но зато солнечные пятна на лужайке в березовой тени были великолепны, почти как у великих импрессионистов.

Такой же пейзаж Иван Павлович наблюдал из школьного окна, но с одним отличием: сейчас была осень, и солнечных пятен на лужайке не было. Иван Павлович отложил картину к другим двум, лежавшим на его учительском столе. Он взял молоток, примерился по расстоянию и решительными ударами стал забивать гвоздь в стену.

На стук молотка тут же в класс заглянул вездесущий Николай Антонович, директор школы.

– Добрый день, Иван Павлович. Что это вы тут делаете?

Что это вы вдруг вздумали в стены гвозди забивать? Мы детей за порчу имущества ругаем, а тут учитель, так сказать, сам негативный пример подаёт. – Николай Антонович возмущённо-насмешливо развёл руками.

– Здравствуйте, Николай Антонович. Я не порчу стены, а хочу повесить на них вот эти картины. Хочу украсить стены класса, – спокойно ответил молодой учитель, и развернувшись, указал молотком на стопку картин на столе. – Раз уж вы дали мне дополнительную ставку учителя рисования, я желаю, чтобы у ребят хоть какой-то художественный вкус развивался.

– Вы желаете! – фыркнул директор. – Ну-с, покажите, что у вас тут? Он, словно ледокол, неумолимо двинулся у учительскому столу.

Старческими дрожащими руками он приподнял одну картину за другой, задержав взгляд на каждой не больше пары секунд, и, уже не глядя на них, небрежно сложил обратно в стопку.

– И вот этой мазнёй вы хотите развить вкус у детей? Его можно развить, голубчик мой, картинами Васнецова, Левитана, Репина, – голос директора важно, как будто тот держал речь на трибуне, произносил известные имена. – А не вот такими "шедеврами". Последнее слово в предложении он произнёс, скривив губы, как если бы попробовал на вкус что-то неприятное, ткнув при этом дрожащим пухлым указательным пальцем в стопку картин.

– Помилуйте, Николай Антонович, – Иван Павлович спокойно выдержал недовольный взгляд начальства, – какая же это мазня?

Год на фронте и пять лет на комсомольской стройке научили молодого педагога отстаивать свое мнение, но с умом.

– Это работы выпускника нашей школы, Петра Завьялова, он сейчас уехал в область, поступать в художественный техникум, а вот эти три работы школе оставил, – мягким спокойным тоном продолжил он, добавив нотки гордости в слова, которые произносил. Директор качнул седой головой и набрал воздуха в лёгкие, чтобы возразить со всей вескостью, но Иван Павлович опередил его:

– И потом, Николай Антонович, где же мы возьмём репродукции этих картин? Вы же сами говорили на последнем педсовете, что бюджет маленький, что район не выделяет дополнительных средств школе и что нужно выискивать внутренние резервы. А вы посмотрите, какие обшарпанные в классе стены, а вот на этой стене вообще трещина. Оба окинули взглядом унылый кабинет с пустыми окнами и старыми деревянными партами грязно-зеленого цвета, соединёнными со скамейками и имевшими откидные крышки для портфелей и круглые дырки для чернилниц.

– Вижу, голубчик, вижу. Но что поделать? – Николай Антонович обреченно выдохнул набранный воздух.

– Как что? Для начала повесим эти картины, а потом появятся деньги, купим репродукции настоящих шедевров.

– Вы бы, голубчик, хоть с более опытными товарищами посоветовались сначала. – Не унимался директор, управленец ещё довоенной закалки. – Вы до школы где работали? На стройке! А учителем у нас в школе, считай, без году недеееея, – тянул слова директор, хитро прищутив глаз, словно делился величайшим открытием в своей жизни, – ещё только пятый гоооод.

– Не пятый, а шестой, Николай Антонович, – снова спокойно возразил учитель. – И не ещё, а УЖЕ, – добавил он и многозначительно посмотрел на директора. И на все-то у этого молодого фронтовика есть свое мнение. Ну никак он не вписывается в старую систему Николая Антоновича.

– Ну что же вешайте ваши картины. Посмотрим... чем всё закончится.

2.

Седоватый учитель, энергичный мужчина средних лет, держа в руках высокую пирамиду контурных карт, тетрадей по истории и альбомов для рисования, вошёл в класс, придерживая ускользящую дверь локтем. Чтобы всё не рассыпалось, ему пришлось неловко скрючиться, неся эту Пизанскую башню к своему столу. Сгрузив свою ношу и даже сохранив некое подобие более-менее аккуратной стопки, он поднял голову и оглядел класс. На окнах висели светло-салатовые занавеси и стояли цветы герани в горшках. С приходом нового директора, вернее директрисы, Зинаиды Ми-

хайловны, школа немного преобразилась. На стенах появились стенды со стенгазетами. После уроков работали всяческие кружки, часто проводились разные конкурсы и соревнования для ребят. О школе стали говорить в районе.

В череде своих рабочих мыслей он неожиданно для себя заметил в классе, залитом всё ещё ярким сентябрьским солнцем, мальчика, стоявшего между первым и вторым рядами парт, замороженно разглядывающего картину на стене. На картине был изображен пригорок, почти такой же, какой был виден из окна кабинета, и на пригорке мазками были разбросаны, как осенние листья, многочисленные солнечные пятна. Мальчик этот был никто иной, как ученик третьего класса Витамин, как звали его друзья-одноклассники или Веник для недругов, тихий троечник и злостный прогульщик уроков рисования. Мать его несколько раз вызывали в школу, но она не пришла ни разу.

Воспользовавшись неожиданным присутствием ученика в классе, педагог решил провести воспитательную беседу и, чтобы не дать ему ускользнуть, сделал несколько широких шагов и оказался за спиной у мальчишки. Витамин не стал ни убегать, ни уворачиваться. Он даже не повернул своей головы со светлыми, пшеничного цвета волосёнками и по-прежнему неотрывно смотрел на картину. Этот неотрывный взгляд был несколько необычен для ученика, избегающего уроков ИЗО.

– Нравится? – учитель положил на плечо мальчика руку.

Худенькое тело Витамина вздрогнуло от прикосновения и сжалось, убираясь, словно улитка, в панцирь молчаливого сопротивления. Они постояли так пару минут, глядя в одну точку – на картину. Почувствовав отсутствие угрозы и раздражения со стороны взрослого, Витамин немного выпрямился:

– Очень. Если бы я умел рисовать, то нарисовал бы такую же, только с жёлтыми листьями, как сейчас. – Витамин кивнул головой в сторону окна. – И солнечные пятна на картине такие красивые! Как настоящие!

– Так приходи на урок рисования, научишься.

В голосе учителя скользила добрая улыбка, но мальчик снова сжался. Улитка убралась в домик. Иван Павлович держал свою широкую ладонь на щуплом плече Витамина, стараясь не давить и не хватать, а как бы дружески поддержать его, чтобы передать все теплые чувства, которые он ощущал, глядя на этого грустного мальчугана. Улитка высунула рожки из домика:

– Не могу. У меня нет альбома и красок. Мамка не купит. У неё денег нет.

– На уроке ты можешь брать у меня бумагу, краски и кисточки. После урока положишь мне все это на стол. – Не сдавался преподаватель.

– Мамка говорит, что рисование – это баловство. Мужик должен в доме работать, а не кисточкой махать. А я у нее мужик.

Третьеклассник явно повторял слова взрослого человека.

– И какую же ты работу делаешь в доме, мужик? Это вместо уроков тебе её приходится делать?

Витамин кивнул:

– Картоху копаем. Мамка болеет. Сестрёнки малые еще.

Улитка вылезла из домика. Солнечные лучи падали на лицо мальчика и грели его своим уходящим последним осенним теплом, а ладонь учителя, так спокойно и по-отечески лежавшая на плече, грела душу.

– Ну, а отец что же? Что он думает?

Витамин съежился. Улитка убралась и захлопнула дверцу наглухо.

– Не знаю. Он ушёл от нас.

Иван Павлович слегка сжал пальцами плечо мальчика и немного подбадривающе потряс его:

– Ну ничего, мы что-нибудь придумаем. Иди. Я к вам зайду ещё.

– Не надо, Иван Павлович, не заходите. Мамка бранить меня будет.

– Ну, иди. Иди. Я не ругаться приду, я поговорить приду.

Учитель легонько подтолкнул Витамина к двери:

– Иди уже, копай свою картошку.

Ученик с удивлением и даже некоторым недоверием посмотрел на учителя, отпускающего со своего урока, и тихо выскользнул из класса. Зазвенел звонок на урок.

Иван Павлович подходил к дому Витамина огородами. Во-первых, чтобы мальчик не сбежал, а во-вторых, чтобы самому убедиться, что тот не врёт. Он застал всех четверых на картофельном поле: мать, Настасью Матвеевну, худую, болезненного вида женщину, державшуюся за поясницу, Витамина и его сестер-близняшек, лет пяти отроду. Витамин в огромных резиновых сапогах и растянутом свитере втыкал большую лопату в землю у очередного куста картофеля, вставал на неё обеими ногами, чтобы та хоть как-то ушла на глубину. Потом они вдвоём с матерью давили на черенок лопаты, используя закон рычага, пытаясь достать клубни на поверхность. Если не выходило, то они повторяли весь этот процесс с другой стороны растения. Понаблюдав за семейством минут так пять или десять, Иван Павлович перелез через изгородь.

– Здравствуйте, Настасья Матвеевна. – громко поприветствовал учитель работающую женщину.

– А, опять ругаться пришли. – тихо и достаточно неприветливо пробормотала она. Затем наклонилась и, держа одной рукой поясницу, другой шарила в земле, выискивая картофелины, и бросала их пустое ведро. Двойняшки, не обращая внимания на вновь прибывшего, собирали в кошелку картофельный горох – мелочевку, которая не пойдёт на хранение в зиму.

– Я помочь вам пришёл, Настасья Матвеевна.

Женщина с трудом распрямилась, тыльной стороной ла-

дони отирая бисеринки пота со лба. Не опуская руки, она внимательно посмотрела из-под нее на учителя. Немолодой, но статный. Одет он был в старенький чистый твидовый костюм с орденской планкой на лацкане пиджака. Фронтоник. Повоевать успел.

– А чё эт вдруг? Учитель, а чужой бабе помогать удумал?

– Хочу с вами сделку заключить, Настасья Матвеевна.

– Это какую ж такую сделку? У меня денег нет.

– Я помогу вам картошку убрать, а вы Вениамину разрешите посещать все уроки в школе.

Венька стоял, обхватив руками черенок лопаты и опустив голову. Его злило, что из-за отца его семья была такая убогая. И вот даже учитель пришёл помогать. Женщина окинула взглядом Ивана Павловича.

– Запачкаетесь.– В голосе её было сильное сомнение.

– Ничего, я постираю потом.

– Здесь много, 15 соток поди. – Настасья Матвеевна кивнула на свои угодья.

– Если за раз не управимся, я ещё приду.– не отступал Иван Павлович.

Настасья Матвеевна подумала, посмотрела на сына, на двойняшек, и сказала:

– Ну вот лопата-то, берите чё ли.

Учитель взял лопату у мальчика. Он за раз выкапывал куст картофеля, вытягивая его за ботву на отвал. Витамин и его мать выбирали клубни и вёдрами носили в сарай на

проветривание и просушку. К темноте не управились. Уходя, учитель попрощался с матерью мальчика на словах, а ему самому протянул свою широкую открытую ладонь:

– Ну, до завтра, Вениамин Андреевич. Молодец, что матери помогаешь. Жду тебя на уроке. Не забудь.

Мальчик поднял влажные, широко раскрытые глаза на Учителя. До сих пор он был Венька, Веник, Витамин, а теперь стал Вениамин Андреевич.

– До свидания, Иван Павлович. Я обязательно приду!

И они крепко, по-мужски пожали друг другу руки.

3.

В школе сегодня был большой праздник. Школе присваивали имя. Вымытая и свежевыкрашенная, она сверкала новыми стёклами окон и рядами новеньких парт. Теперь заведение будет гордо носить имя большого художника, односельчанина и выпускника этой самой школы. Его работы побывали на выставках в Москве, Ленинграде, Праге, Софии и даже одну взяли в Париж!

Имя присваивалось при жизни художника. И это было грандиозное событие. О школе говорили в области. На торжества прибыло всё районное начальство. Ждали представителя из министерства и ждали самого художника. Первый где-то задерживался, а второй приехал, но не захотел томиться в ожидании высокопоставленного чиновника и ушёл на пленэр, сказав, чтобы его позвали, как только все собе-

рутся.

Мастер расположился недалеко от школьного здания, на пригорке между огромной березой и обрывом у небольшой речушки. К мольберту был прикреплен лист бумаги, на котором акварельными красками был сделан набросок, в котором уже угадывался окружающий пейзаж: береза, пригорок, кусок старого кладбища, с краю которого добавилась одна могила с невысокой оградкой и узким пирамидальным металлическим обелиском со звездой наверху. Этот пейзаж он рисовал уже сотый раз. Он рисовал его маслом, акварелью, пастелью. И каждый раз пейзаж получался немного другим. Художник задумался. Вдруг он обратил внимание, что по верхней кромке мольберта ползёт улитка. Она далеко вытягивала свое тельце вперёд и, изучая новый путь, шевелила рожками, свешивая голову вниз, как будто хотела разглядеть: "что же там нарисовано?". Художник уже почти закончил работу, когда улитка доползла до угла мольберта и теперь указывала своими рожками куда-то вперёд. Туда, где, повернув голову направо, в высокой траве мастер увидел большеглазого мальчугана в шлеме лётчика. Он забавно, так же, как та улитка, вытягивал свою тонкую шею вперёд, чтобы разглядеть рисунок на мольберте.

– Нравится? – улыбаясь, спросил художник любопытное создание, больше похожего на глазастый гриб, чем на мальчику. Мальчонок кивнул, сглотнув слюну, и вытаращил свои глаза ещё больше на немолодого дядьку с короткой седой бо-

родкой клинышком.

Топот и тяжёлое дыхание грузного человека, прибежавшего на пленэр, спугнули малыша, и он опрометью бросился бежать по тропинке к реке.

– Вениамин Андреевич, голубчик, ну где же вы? Там уже все собрались, вас ждут. Пойдёмте скорее. Давайте я вам мольберт поднесу.

Художник поморщился: "Когда он со своими картинами по кабинетам ходил выпрашивать хоть какое-нибудь помещение для галереи, хоть кто-то пошел навстречу? Нет. А теперь, когда он звание народного получил, все будут пожимать ему руки, говорить, какой он гениальный и как много они для него сделали. Не хочу."

– Мы и картины уже ваши развесили в классе, все чин чинком. Все старые поснимали и не знаем пока, куда девать. Зачем нам теперь эта мазня?

– Как поснимали?! Какая мазня?! И "Солнечный полдень" сняли?! Да что бы вы понимали в художественной ценности, чинуши! Для для меня ценнее этой картины ничего на свете не существует. Ни один Леонардо да Винчи ей и в подметки не годится. Я, можно сказать, на ней писать картины и научился! Вам дай только волю, вы все наследие на помойку снесёте.

– Вениамин Андреевич, миленький, ну не гневитесь. Бес попутал. Так ведь ничего не смыслят в художествах-то люди наши. Так мы сейчас на место все вернём, аккуратно к вашей-

му приходу. Не беспокойтесь, я уж передам, чтобы шедевр не трогали. Только вы, голубчик, уж собирайтесь поживее. Неудобно, начальство ждёт. Мольбертик я ваш забираю.

– Вы идите, Александр Васильевич, идите. Я вас сейчас догоню. Я к могилке только подойду и приду.

Народный художник СССР открепил работу, отдал мольберт, положил в сумку краски и кисточки, вылил из баночки грязную воду. Огляделся вокруг и стал собирать мелкие жёлтые и белые цветочки, в изобилии росшие среди травы. Малыш, который давеча убежал, теперь снова стоял рядом и тоже собирал цветы. Набрал небольшой букетик, он молча протянул его бородатому дядьке. Вениамин Андреевич помахал банкой для кистей и попросил:

– А ну-ка, пострел, сгоняй на речку, набери водички. Сейчас мы с тобой эти цветы на могилку поставим.

И художник кивнул в сторону обелиска. Мальчуган взял банку, помчался к реке и быстро вернулся, сосредоточенно глядя в центр банки на воду, как будто это могло предотвратить неизбежное расплёскивание. В банке была только половина. Малыш расстроено, даже тревожно посмотрел на бородача.

– Ну, ничего, ничего. Нам хватит, – успокоил взрослый человек своего юного помощника.

Утвердив баночку с цветами на холмике перед обелиском, Вениамин Андреевич задумчиво посмотрел в большие, ждущие чуда глаза забавного мальчишки в шлеме лётчика, до-

стал из сумки папку с надписью "Бумага для акварели", пачку красок и кисточку. Протянув все это богатство своему новому знакомому, он сказал:

– Держи, брат. Рисуй. Художником будешь.

Мальчуган прижал подарки к груди и, не сказав ни слова в ответ, стремглав бросился прочь по тропинке. Наверное, пока не отняли. Спасибо у него было написано на лице диким детским восторгом. Мастер улыбнулся, провожая взглядом крестника. Потом подошёл в обелиску, отколупал ногтем пару чешуек облупившейся краски, положил свою большую мягкую руку на разогретый солнцем металл и почувствовал, как тепло через ладонь греет его душу.